

ЭО, 2006 г., № 2

© Ш. Юсуфбеков. Рец. на: Т.С. Каландаров. *Шугнанцы (историко-этнографическое исследование)*. М., 2004. 477 с.

Памир – мало исследованный с историко-этнографической точки зрения регион. В области памироведения нечасто публикуются книги по истории и этнографии. Именно поэтому монография Т.С. Каландарова представляет несомненный интерес. Впервые в мировой историографии работа посвящена шугнанцам (самоназвание – *хугни*) – одному из немногочисленных ираноязычных народов (бартангцы, ваханцы, ишкашимцы, рушанцы, хуфцы, язгулемцы и др.), проживающих на Западном Памире (официально – в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан).

В настоящее время ареал расселения шугнанцев – Шугнанский и Рошткалинский районы (в прошлом эта территория представляла собой историческую область, которая до сих пор носит название Шугнан), а также областной центр – г. Хорог. С древнейших времен территориально они подразделялись на шугнанцев долины р. Пяндж, шугнанцев долины р. Гунт и шугнанцев долины р. Шахдара. Несмотря на обособленность проживания, в процессе этногенеза обитатели всех трех долин сформировали единый народ. Они говорят на

одном языке – шугнанском (восточноиранская группа языков), принадлежат к одному антропологическому типу, их объединяют единые самосознание, общность материальной и духовной культуры, религия – исмаилизм (направление шиитского ислама), проникший на Памир более десяти столетий назад и играющий значительную роль в жизни памирцев.

Автор рецензируемой работы рассматривает историю Шугнана с древнейших времен и до начала XXI в., антропологию и этнографию шугнанцев. На Памире в целом и в Шугнана в частности никогда не проводились комплексные археолого-историко-этнографические исследования. Именно поэтому история этого высокогорного края мало известна даже в общих чертах, не говоря уже о том, что пока она не написана. Памирские языки, в том числе шугнанский, – бесписьменные, а научное исследование Западного Памира началось фактически только во второй половине XIX столетия. В народе сохранялись лишь "предания седой старины", однако и они не были зафиксированы письменно и подчас представляли, по замечанию основоположника научного памироведения И.И. Зарубина, "смесь баснословных преданий с исторической действительностью" (Зарубин 1926: 19).

Древняя история шугнанцев из-за сложности ее реконструкции намечена Т.С. Каландаровым лишь пунктирными линиями. Это объясняется тем, что сообщения письменных источников для древнего и средневекового периодов весьма отрывочны и не дают целостного представления об исторических событиях. Еще меньше сведений о социально-экономической, культурной и этнической истории рассматриваемого в монографии народа. Тем не менее автор предпринял попытку, на наш взгляд, достаточно успешную, на основе имеющихся в научном обороте письменных источников реконструировать по возможности более или менее цельную картину истори-

ческого развития Шугнана и прежде всего раннего периода его истории. С этой целью он использовал сочинения (записки, сообщения, отчеты, путевые дневники и др.) греческих, китайских, арабских, персидских и других авторов, "Историю Бадахшана" (*Мухаммад-зода, Шох-зода* 1973), воспоминания и отчеты русских и английских офицеров, ученых, путешественников, политиков и др.

Для восстановления исторической картины развития шугнанского этноса и особенно его этногенеза автор привлек археологические, антропологические, этнографические и фольклорные материалы, а также результаты исследований лингвистов. События истории шугнанцев он рассматривает не изолированно, а в контексте истории Памирского региона и памирских народов. Некоторые же события, особенно древнего и средневекового периодов, осмысливаются и освещаются им в свете истории всей Центральной Азии.

В работе поднимается один из самых сложных вопросов в истории Таджикистана – о происхождении и этнической принадлежности народов ГБАО, в том числе шугнанцев. Однако решение его требует дальнейших комплексных исследований историков, этнографов, лингвистов и представителей других наук.

Поскольку в научной литературе проблемы памирской антропологии практически не освещались, автор прослеживает этапы ее становления и развития, рассматривает результаты деятельности некоторых научных экспедиций на Памир. Он приводит имеющийся в научном обороте антропологический материал (морфологии, краниологии, исторической генетики и др.) российских исследователей (Н.В. Богоявленский, Н.А. Дубова, Ю.Г. Рычков, Н.Х. Спицына, Г.Л. Хить и др.), касающийся памирцев в целом и шугнанцев в частности.

Сложность антропологического изучения шугнанцев, как указывает Т.С. Каландаров, заключается в том, что начатые с конца 1950-х годов и проводившиеся до начала 1980-х годов в Шугнана краниологические, серологические и другие исследования прекратились по ряду объективных причин. Автор акцентирует внимание на наиболее сложных и до сих пор не нашедших ответа в антропологической науке вопросах по серологии и расовой морфологии населения шугнанских долин. Действительно, до сих пор остается не выясненным вопрос о внутренней структуре памирского изолята, т.е. не исследована динамика антропологических признаков внутри субизолятов – населения отдельных долин, слагающих памирский изолят. Только выяснение этого вопроса может дать окончательный ответ о глубине изолированности западнопамирской популяции (или популяций).

Следует подчеркнуть, что решение проблемы внутренней структуры шугнанских изолятов позволит решить и тесно связанную с ней проблему этногенеза шугнанцев, которая остается на сегодняшний день открытой (см.: *Каландаров* 2003).

Первый и особенно второй разделы книги по своему объему значительно уступают третьему, что объясняется прежде всего отсутствием или недостатком исторических и антропологических материалов по Шугнану.

Несомненным достоинством книги является раздел "Этнография", в котором рассматривается целый комплекс вопросов: элементы материальной и духовной культуры шугнанцев, в частности обряды жизненного цикла и связанные с хозяйственной деятельностью, религиозные верования и культы и др. Автору книги, шугнанцу по происхождению, выросшему в шугнанской семье, с детства знакомы многие обычаи, верования и обряды его народа. Ряд важных дополнительных материалов собран им во время экспедиционных поездок в Шугнан. Этнографические полевые материалы позволили автору значительно расширить имеющийся к настоящему времени этнографический потенциал, связанный с жизнедеятельностью шугнанцев, и дополнить те сведения в области этнографии этого народа, которые были получены русскими и советскими учеными (М.С. Андреев, И.И. Зарубин, А.К. Писарчик, Л.Ф. Моногарова, И. Мухиддинов, З. Юсуфбекова и др.). В работе использованы интересные данные по истории и этнографии шугнанцев и других памирских народов как из российских, так и из таджикских архивов.

В заключение следует сказать, что, несмотря на нерешенность автором рецензируемой работы некоторых проблем в силу объективных причин, монографическое исследование "Шугнанцы" – весомый вклад в мировое памироведение.

Литература

Зарубин 1926 – Зарубин И.И. К истории Шугнана // Докл. Академии наук СССР. Сер. "В". Март–апрель 1926 г. (Отд. оттиск).

Каландаров 2003 – Каландаров Т.С. К проблеме этногенеза шугнанцев // Центральная Азия: источники, история, культура: Тез. докл. конф., посвящ. 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. Москва, 3–5 апреля 2003 г. М., 2003. С. 71–73.

Мухаммад-зода, Шох-зода, 1973 – Мухаммад-зода (Охун-Сулаймон) К., Шох-зода (Сейид-Футур-шо) М. История Бадахшана. М., 1973.